

— Сколько длилась эта фаза? — Фу Чжэньин приподнял подбородок Ци Ханя пальцем, глядя на него холодными, бесчувственными глазами. Вопрос был обращён к женщине рядом, но голос звучал так, словно сам этот вопрос не имел значения.

— Часа три с лишним. Ох, только-только разделившиеся мальчики такие выносливые. Чуть-чуть феромонов — и уже часами стонет, не то что некоторые, — женщина томно улыбнулась, проводя длинными ногтями по груди Ци Ханя, от чего кожа тут же покрылась красными царапинами.

— О, так я уже не справляюсь? — фыркнул Фу Чжэньин, расстёгивая штаны Ци Ханя, чтобы удобнее было следить за его реакциями.

В это время в углу комнаты, подвешенный в воздухе, четырнадцатилетний мальчишка, измученный нескончаемым состоянием гиперчувствительности, уже десять часов не пил и не ел.

Они развлекались, заигрывали друг с другом, смеялись, а он лишь безжизненно висел, балансируя на грани.

— Вода...

— Воды хочет? Ну это мы мигом, — захихикала женщина, подалась вперёд, обдавая его лицо сладким запахом тяжёлых духов. Её ярко-красные губы тронула притворно-ласковая улыбка, когда она похлопала его по щеке, как любимую собачонку.

— Давай, скажи мне, дорогой, как ты себя чувствуешь? Этот ингибитор работает лучше, чем предыдущий?

Он медленно поднял голову. Больно. Слишком больно. Один глаз был почти заплыл и ныл тупой болью, белок залит кровью, из уголка стекала гнойная слизь, смешанная с липкими слезами.

Каждое движение отзывалось адской болью — тело покрывали кровавые волдыри от аллергии и тёмно-синие пятна от побоев. Руки онемели от слишком туго затянутых кандалов, запястья горели от стертых в кровь ран.

Он едва слышно всхлипнул, и в этом слабом звуке было столько боли, что даже воздух казался вязким и колючим.

— Я... я не знаю... — хрипел он, голос был таким слабым, что едва долетал до ушей. — Очень больно... совсем не чувствую... п-пожалуйста... можно воды?..

Она налила стакан воды, поставила его на пол, затем открыла контейнер с едой, но, словно

невзначай, скинула столовые приборы в сторону и, насвистывая мелодию, неторопливо расстегнула ремни на одной из рук Ци Ханя.

— Ешь, — она лукаво улыбнулась, прислонившись к стене. — Нужно же набраться сил для экспериментов во второй половине дня.

Ци Хань медленно моргнул, изуродованным правым глазом он почти не видел, так что просто перевёл единственный функционирующий глаз с тарелки на женщину, потом снова на тарелку.

Несколько секунд он оставался неподвижен, но затем, будто бы сдался, опустился на колени, тяжело дыша, и, подперев тело на локти, пополз вперёд.

Еда была далеко. Он вытягивал шею, тянулся изо всех сил, но ошейник, врезавшийся в кожу, только глубже впивался в его горло, не позволяя приблизиться.

И всё же он ухватил ртом маленький комочек риса. Но в этот момент в комнату ворвался Фу Чжэньин.

— Ты, ублюбочный выблядок!

Одним ударом он опрокинул контейнер, соус и куски еды разлетелись по полу, а жирная жидкость обдала лицо и волосы Ци Ханя.

Не дав тому опомниться, он схватил его за горло, рывком поднял на ноги и со всей силы ударил по лицу.

— Последние анализы показали ещё худшие результаты, чем раньше, — зло процедил он, шипя от ярости. — Ты что, врешь мне?! Специально скрываешь, чтобы не дать нам получить формулу, так?!

— Нет... я... не вру...

Парень, всхлипывая, сжался, закрывая голову руками, тщетно пытаясь спрятаться от новых ударов.

— Я... правда не чувствую... я ничего не ощущаю... я больше не могу это измерить...

— Не можешь измерить?

Фу Чжэньин усмехнулся.

— Хорошо, тогда мы проверим твоего отца. Посмотрим, сколько уколов выдержит он.

— Нет! Нет, не трогайте папу!

Ци Хань бросился к нему, упал на колени, вцепился руками в его ногу, беспорядочно, невнятно умоляя, задыхаясь от страха.

— Не надо! Он уже старый, он не выдержит... Пожалуйста... возьмите меня... я ещё могу...

— А теперь, значит, можешь?

Фу Чжэньин грубо схватил его за лицо, похлопал ладонью по щекам, от чего мясо на его собственном лице вздрогнуло.

— Только вот я смотрю, твое тело действительно совсем перестало реагировать... Ну что ж, дадим тебе дозу побольше.

Женщина уже принесла три шприца с неизвестным веществом:

— Время для второй части эксперимента.

Свет в комнате был тусклым, лампа мерцала, и в этом призрачном свете её лицо больше не казалось человеческим — это был лик демона, извращённой, алчно оскалившейся твари.

Ци Хань потрясённо замотал головой, пятясь назад, но правая сторона его лица уже полностью загноилась, желтоватые потёки стекали вниз, кровь перемешивалась со слезами, но он больше даже не ощущал боли.

— Нет... нет... не надо... умоляю... не колите...

И сразу же чьи-то руки потянулись к нему, хватающие, сжимающие, душащие.

Мужчина железной хваткой заломил его запястья, удерживая его извивающееся, ослабевшее тело, а женщина легко, будто целуя, сдёрнула крышку с первого шприца зубами.

Первый укол вонзился в сгиб локтя. Глаза закатились, тело выгнулось в неестественной дуге, изо рта пошла пена.

Второй укол — в шею. Он дёргался, бился в конвульсиях, судорожно пинался, мочевого пузыря не выдержал, запах крови и аммиака наполнил воздух.

Четырнадцатилетний мальчишка, доведённый до звериного состояния, взревел и, собрав остатки сил, с яростью вырвался из хватки Фу Чжэньина. Он ударил женщину по лицу, и та, разъярённая, взвизгнула, а затем со всей силы вонзила носок туфли на шпильке ему в живот.

В тот же миг в грудь вонзился третий укол. Боль взорвалась внутри, словно кто-то вонзил нож и одним движением вспорол его грудную клетку.

Препарат пронзил сердце, и в следующий момент Ци Хань изогнулся, его тело выгнулось в конвульсиях, крик вырвался изо рта, глаза дёрнулись...

И в полуоткрытых веках вдруг отразилось обеспокоенное лицо Фу Гэ.

— А Хань! Ну наконец-то, ты проснулся! Что случилось, кошмар?

— ...Гэ?..

Ци Хань моргнул, сбитый с толку, тяжело дыша, и ошеломлённо огляделся по сторонам. Сердце колотилось так сильно, что в ушах звенело, руки дрожали. Но вокруг не было ни капли крови, ни темноты, ни леденящего холода. Только знакомая спальня, мягкая постель и тёплые объятия.

Его сердце всё ещё бешено колотилось, когда он осознал, что лежит на кровати в своей спальне, и тощая, недоразвитая фигура четырнадцатилетнего подростка вдруг сменилась крепким, высоким телом восемнадцатилетнего юноши.

Фу Гэ обнимал его, одной рукой мягко похлопывая по спине, другой осторожно поглаживая волосы, и тихо шептал, успокаивая, как маленького:

— Ну всё, всё, не бойся. Это был всего лишь сон. Я здесь, я с тобой, не плачь. Засыпай снова, я никуда не уйду.

У Ци Ханя защипало в носу, горло сдавило, и он тихо всхлипнул, уткнувшись лицом ему в грудь:

— Гэ... —

— М-м? —

— Гэ-ге... — всхлипнул он снова, голос был таким тихим, что Фу Гэ едва расслышал.

Фу Гэ улыбнулся и, мягко покачиваясь, тянул слова, будто убаюкивая:

— Что такое? —

— Мне кошмар приснился... Будто кто-то меня бил... Можешь меня успокоить? — пробормотал Ци Хань.

— Разве я не успокаиваю? — усмехнулся Фу Гэ, приподнял ладонь, потеряв её, чтобы согреть, и мягко приложил ко лбу Ци Ханя, нежно проводя пальцами, как мама успокаивает капризного ребёнка. — Вот так, теплее?

— Неа, — жалобно буркнул Ци Хань, ещё теснее прижимаясь к нему, — так обнимать совсем не крепко. Возьми меня на ручки.

Фу Гэ не выдержал и рассмеялся, так тепло, что у Ци Ханя сердце сжалось от этой уютной, доброй мелодии. Он склонился ближе, коснулся губами его щеки, мягко чмокнул и, всё ещё смеясь, тихо ответил:

— Ты совсем с ума сошёл? Ты посмотри на себя, какой ты здоровый, как я тебя возьму?

— Ну, это же нечестно... — всхлипнул Ци Хань, смущённо зажмурившись, и лицо тут же залило краской. — А я... Я что, твой большой любимый малыш?

— А как же, — рассмеялся Фу Гэ, глажа его по голове. — Я, знаешь ли, уже с пяти лет перестал плакать от кошмаров, а ты всё ещё такой плакса. Конечно, мой большой любимый малыш.

Ци Хань надулся, фыркнул, но в глазах всё ещё поблёскивали непролитые слёзы, а уши пылали краснее заката. Он, заикаясь от смущения, пробормотал:

— Я!.. Я не только плачу! Я ещё... молоко пью!..

Фу Гэ замер. Мгновение — и он разразился таким звонким, радостным смехом, что Ци Хань покраснел до самых корней волос, сжался и буркнул что-то сердитое в его грудь.

— Да-да, мой большой малыш, конечно, пьёшь, — сквозь смех пробормотал Фу Гэ, с трудом успокаиваясь. — И молоко пьёшь, и слюни пускаешь, и на ручки просишься.

— Гэ! — простонал Ци Хань, зарываясь лицом в его шею от смущения.

А Фу Гэ только смеялся и гладил его по спине, тихонько напевая что-то тёплое и успокаивающее. И в этот миг казалось, что ни тьма за окном, ни холод, что точил сердце долгие годы, уже не смогут их разлучить.

— Гэ, ты всегда будешь со мной? — хрипло спросил Ци Хань, уткнувшись лицом ему в грудь. Глаза щипало, и он жмурился, словно от света, хотя за окном уже давно сгущались ночные тени.

Ци Хань боялся поднять голову, не смея смотреть в глаза Фу Гэ.

— А если я снова буду видеть кошмары... ты придёшь и успокоишь меня?

— Ну что ты, глупенький, конечно, приду, — мягко рассмеялся Фу Гэ, обнимая его чуть крепче. В глазах плясали тёплые огоньки, улыбка была такая нежная, что даже ночной свет казался теплее.

Он потянулся к тумбочке, и в тусклом полумраке что-то блеснуло холодным серебром. Ци Хань машинально проследил за его движением, и у него едва хватило времени моргнуть, когда Фу Гэ вдруг резко вскинул руку.

Резкий, холодный блеск, и в следующую секунду острые зубцы столовой вилки со звуком вошли ему прямо в грудь.

Ци Хань захрипел, беспомощно выдохнул, резко рванулся назад, но вилка уже вошла по самое основание, разрывая кожу и мышцы. Боль вспыхнула мгновенно, оглушающим взрывом, и лицо тут же залило горячей, липкой кровью.

— Гэ... ты... что... ты... — голос сорвался на полуслове, и слова захлебнулись в багровой каше, что рвалась изо рта.

Фу Гэ всё так же крепко держал вилку, взгляд был ледяным, пальцы побелели от напряжения. Он трясся, как осиновый лист, слёзы катились по щекам, крупные, обжигающие, но он не отпуская. Смотрел прямо в глаза, даже не моргая.

Ци Хань захрипел, запрокидывая голову, воздух с трудом просачивался через горло. Грудь разрывалась от боли, каждый вдох отзывался оглушающим гулом в ушах. Он задыхался, отчаянно пытался вдохнуть и прохрипел, почти сорвавшись на рыдание:

— Гэ... Почему ты так со мной?! —

Фу Гэ будто обезумел. Лицо его было мокрым от слёз, взгляд остекленел, а губы дрожали от ненависти и отчаяния. Он почти вплотную навис над Ци Ханем, колени впивались в бока, а руки тряслись так сильно, что пальцы побелели от напряжения.

— Ты же говорил, что любишь меня! — он почти кричал, срываясь на истерический визг. Каждое слово сопровождалось новым ударом вилки, хрустом раздираемой плоти и булькающим хрипом, когда кровь пузырилась на губах Ци Ханя. — Ты же обещал, что мы поженимся!

— Мы ведь не были врагами! У нас не было никакой вражды, так за что, Чёрт тебя побери, за что ты меня так мучил?! Что я сделал не так?!

Фу Гэ рыдал. Слёзы ручьями стекали по щекам, застревали в уголках губ, горькие, солёные. Он вслепую колотил вилкой, снова и снова, и каждый раз, когда зубцы разрывали грудь Ци Ханя, слёзы стекали ещё сильнее.

— П-прости... Гэ... Прости меня.

— Поздно... — прошептал Фу Гэ. Его глаза были налиты кровью, а лицо исказилось от боли и ненависти.

Он всхлипнул, зубы со стуком впились в губу, кровь каплями стекала на подбородок. В следующую секунду он с рычанием вскинул руку, целясь вилкой прямо в шею:

— Умри.

— П-пожалуйста... — хрипел Ци Хань, но новый удар оборвал слова. Боль вспыхнула оглушительным взрывом, и в глазах всё погасло.

Мир вспыхнул белым светом, резким и слепящим, как удар молнии.

— Слабая воля к жизни! — резко прозвучал чей-то голос над ухом. — ЧСС падает! Готовьте разряд!

Ци Хань моргнул, но всё, что видел, были слепящие белые лампы под потолком и склонённые над ним тени в белых халатах. Кто-то громко командовал, но слова не долетали, только эхом отдавались в голове.

— Чёрт возьми, он истекает кровью! Готовьте второй разряд!

Резкий толчок в грудь — и снова взрыв боли. Грудная клетка выгнулась, рёбра хрустнули, и разряд прошёлся огненной волной по каждому нерву, заставляя дёрнуться и застонать.

Ци Хань захрипел, но голос сорвался, губы дрожали, а из горла вырывались только слабые стоны, захлёбывающиеся в крови. Сил не было. Даже открыть глаза не было сил.

— Пульс слабый! Ещё разряд!

Доктора и медсёстры мельтешили, как белые тени, кто-то грубо надавил на грудь, и боль снова вспыхнула, но уже почти не чувствовалась. Последнее, что он увидел, прежде чем снова

погрузиться во тьму, были ослепительные лампы над головой, такие холодные, такие одинокие, будто светили в чужой, безжизненный мир.

Кошмары не прекращались. На этот раз это был тот самый подвал, где Фу Гэ когда-то лежал связанный и избитый, из которого не было выхода, кроме смерти.

Но на этот раз Ци Хань не был там участником. Он был лишь тенью, бесплотным призраком, зависшим под потолком, словно несуществующая капля воздуха, и мог только смотреть, как всё повторяется снова.

Он видел самого себя — того, прежнего, безумного от боли и ярости альфу, который, схватив Фу Гэ за подбородок, в ярости швырял в огонь один за другим эскизы и рисунки, которые тот так бережно хранил. Листы взмывали в воздух, извивались алыми змейками в пламени, и пепел медленно оседал на пол.

— Почему ты меня предал?! — рычал тот, кто когда-то был им. Лицо искажалось от ненависти, глаза наливались кровью. — Я что, недостаточно хорошо к тебе относился? Ты же сам говорил, что любишь меня! Ты же обещал, что спасёшь меня! Почему ты лгал?!

Голос был низкий, хриплый, безумный от ярости и обиды. Альфа был на грани, голова раскалывалась от непрекращающейся течи, а мозг пылал огнём, стирая границы между воспоминаниями.

Каждый раз, глядя в эти огромные, полные слёз глаза, он видел только лицо Фу Чжэньина и слышал, как тот смеётся. Впиваясь пальцами в плечи Фу Гэ, он видел только кривую усмешку того, кто уничтожил его семью.

— С самого начала ты лгал мне, да?! — хрипел он, сжимая пальцы до побелевших костяшек. — Ты такой же, как они! Как та шлюха, что обманывала моего отца! Вы все одинаковые, все ради денег и власти! Ты и твой отец — вы оба заслуживаете смерти!

Ци Хань из настоящего, тот, кто парил над всем этим, зажмурился, дрожа от бессильной ярости. Он не мог ничего сделать. Он не мог пошевелиться, не мог закрыть глаза. Он мог только смотреть. Слышать. Чувствовать, как рвётся его собственное сердце от каждого удара, от каждого всхлипа.

Спустя два дня, ближе к вечеру, Ци Хань очнулся.

За окном облака алели в закатных лучах, и это небо казалось точь-в-точь тем, что Фу Гэ рисовал, когда ещё любил его.

Тонкие трубки кислородной маски тянулись к его лицу, дыхание было рваным, неровным, будто бы любая попытка вдохнуть глубже могла оборвать его навсегда. Простое усилие открыть глаза

стоило всех сил, но ему повезло — первым, кого он увидел, был Фу Гэ.

Маленький бета сидел на стуле у кровати, тоже в больничной пижаме, мертвенно-бледный, с тёмными кругами под глазами. Взгляд был пустым, лицо — холодным и безразличным, будто Ци Хань не очнулся, а просто шелохнулся во сне.

— Гэ... ты ждал меня? — хрипло спросил он, голос был таким тихим и сдавленным, что пришлось сделать паузу после каждого слова.

Фу Гэ не ответил. Он даже не пошевелился.

Тогда Ци Хань, проклиная собственное беспомощное тело, прикусил губу и дрожащей рукой потянулся к его пальцам. Пальцы были холодными, как ледышки, и каждый раз, когда они почти касались тёплой ладони Фу Гэ, тот дёргался, словно обжёгся, и сжимался ещё крепче.

Два, три, четыре раза он тянулся и отдёргивал руку, пока боль в мышцах не стала невыносимой, и пальцы не дрогнули, бессильно падая обратно на простыню.

И в этот миг Ци Хань заметил, что левая рука Фу Гэ, вся в ссадинах и порезах, почти незаметно двигалась. В его пальцах что-то блестело, и только через пару мгновений, когда свет лампы скользнул по тонкому лезвию, он понял, что это — канцелярский нож.

Острый конец был направлен прямо на кислородную трубку. Между ними оставалось меньше полу сантиметра.

Он хотел перерезать её.

Если бы Ци Хань не очнулся в этот момент, он бы это сделал.

Губы тут же побелели, в горле пересохло, и голос, едва прорезавшись, дрогнул и сорвался на жалкий, хриплый шёпот:

— Гэ... ты ведь не собирался спасти меня... да?

Фу Гэ медленно поднял глаза. Губы шевельнулись, и холодный, почти безжизненный голос прорезал тишину, острый, как лёд:

— Пять лет.

Он смотрел на него прямо, не отводя глаз.

— Все пять лет, каждую секунду, я хотел, чтобы ты сдох.

Ци Хань молчал долго, слишком долго, и только через пару мгновений молча отвёл глаза, устремляя взгляд в потолок. Губы дрожали, и слова срывались с них тихо, будто бы даже беззвучно:

— Понял.

Он моргнул, прикусил пересохшие губы и, тяжело дыша, медленно поправил подушку, поднимаясь повыше. Каждое движение отзывалось болью в рёбрах.

Голос был еле слышен, разрывался на каждой фразе:

— В швейцарском банке у тебя есть счёт, я перевёл туда деньги. Код — твоя дата рождения. Если когда-нибудь понадобятся средства, Гу Бо поможет тебе их снять.

Фу Гэ не шевельнулся. Даже не моргнул.

Ци Хань сглотнул, и дрожащая рука судорожно сжала простыню. Грудная клетка вздымалась тяжело, будто бы воздух был густым, как смола, и каждое слово приходилось выдавливать:

— Дом... и та маленькая мастерская, они снова записаны на тебя. И выставка... которую я обещал перед нашей помолвкой... я не забыл. Галерея на Байшань-лу, дом десять. Я не сжёт все твои картины, часть из них... я повесил там. Ключ у твоего учителя по рисованию.

Фу Гэ смотрел на него холодно, не мигая.

Ци Хань судорожно вздохнул, и в глазах потемнело, отступая в серую, мутную дымку. Голос дрожал, но он всё равно говорил, упорно, будто бы эти слова могли хоть что-то изменить.

— В сейфе... там есть вещи, но думаю, они тебе больше не нужны. Я оставлю их себе. После того, как меня не станет, Чэнь Син разберётся с этим.

Голос сорвался, и он захрипел, кашля кровью. Взгляд мутнел, а над головой всё так же горел закат, тот самый, что Фу Гэ когда-то рисовал на их свадьбу.

— Я нашёл для тебя хорошего психолога, он...

— ЗАТКНИСЬ!

Фу Гэ взорвался, его глаза покраснели, пальцы сжались так, что ногти впились в ладони.

Ци Хань чуть пошевелил губами, выдавил слабую, мимолётную улыбку.

— Прости. Кажется, я слишком много говорю.

Он сделал глубокий вдох, а затем, с трудом, перевёл взгляд на окно. Солнце медленно опускалось за горизонт, последний угол неба за окном раскрашивался в густо-красный цвет.

Ци Хань поднял руку, замер на полпути, не коснулся, просто оставил её рядом, парящей в воздухе, над рукой Фу Гэ.

— Если у тебя когда-нибудь появится новый любимый человек... — он выдохнул, еле слышно, — не влюбляйся в него слишком сильно. Если он окажется таким же, как я, ты снова будешь страдать.

Фу Гэ стиснул зубы, откинув голову назад.

— Таким же, как ты?

Его голос был полон презрения.

— Неужели в этом мире найдётся кто-то ещё, похожий на тебя?

Ци Хань задумался, потом коротко рассмеялся.

— Верно. Вряд ли кто-то окажется таким же дураком, как я.

Таким дураком, который держал в руках самого лучшего человека на свете...

Закат догорел, красные отсветы ушли с окна, и Ци Хань тяжело поднял руку, вытащил из коробки на тумбочке пару бумажных салфеток и протянул Фу Гэ.

— Заверни руку.

Фу Гэ вздрогнул. Пальцы, сжимающие канцелярский нож, дрожали так сильно, что тонкое лезвие задребезжало, царапая воздух. Он непонимающе моргнул, взгляд был затуманен, губы побелели, и голос сорвался на испуганный шёпот:

— Ч-что?..

Ци Хань, едва удерживаясь в сознании, посмотрел на него из-под полу прикрытых век и тихо,

почти ласково, объяснил:

— Если останутся твои отпечатки... будет много проблем.

Голос был слабым и почти безжизненным. Но в этих словах не было ни упрёка, ни обиды, ни даже сожаления — только усталая, вымученная забота.

Фу Гэ замер, с силой стиснул зубы. Пальцы, всё ещё сжимающие нож, побелели. Веки задрожали, и он вдруг резко выдохнул, так, будто его окунули в ледяную воду.

<http://bllate.org/book/14453/1278312>